

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава шестая

в которой я основываю колонию и переживаю кризис, а также вызываю привидение на остров Ужасов

Я до сих пор помню утро, когда Фредриксон получил телеграмму. Мы сидели в навигационной каюте "Морского оркестра" и пили кофе.

– Я тоже хочу кофе, – сказал Клипдасс и стал пускать пузыри в свой стакан с молоком.

– Ты еще маленький, – ласково пояснил Фредриксон. – Между прочим, через полчаса тебя с пакетботом отправят на берег к маме.

– Надо же! – ничуть не огорчился Клипдасс и продолжал пускать пузыри.

– А я останусь у вас! – крикнула Мюмла. – Пока не вырасту. Послушай, Фредриксон, ты не можешь изобрести что-нибудь такое, от чего мюмлы вырастают ужасно большими?

– С нас хватит и маленьких...

– Мама тоже так считает, – призналась Мюмла. А вы знаете, что я появилась на свет в маленькой раковине, и когда мама нашла меня в аквариуме, я была не больше водяной блохи?

– Опять ты обманиваешь нас, – рассердился я. – Мне очень хорошо известно, что каждый появляется на свет из своей мамы, а сперва сидит в ней, как семечко в яблоке. Таких обманщиц нельзя держать на борту, они приносят несчастье!

– Ерунда, – беспечно отмахнулась Мюмла, попивая свой кофе большими глотками.

Мы привязали к хвосту Клипдасса бумажку с адресом и поцеловали его в мордочку.

– Передай привет своей маме, – велел Фредриксон. – И не грызи пакетбот.

– Не буду, – радостно пообещал Клипдасс и отправился в путь, а Мюмла пошла присмотреть, чтобы он благополучно сел на пакетбот.

Фредриксон расправлял на столе навигационной каюты карту мира, когда в дверь постучали и зычный голос сообщил:

– Телеграмма! Телеграмма–молния Фредриксону!

За дверью стоял рослый хемуль из королевской гвардии Самодержца. Фредриксон, сохраняя самообладание, надел капитанскую фуражку и с серьезным видом прочитал вслух:

– "Нашего сведения дошло Фредриксон прирожденный изобретатель точка просим направить талант службу Самодержцу восклицательный знак ответ срочно точка".

– Извините меня, но этот король не шибко грамотен, – сказал Шнырек.

– В телеграмме–молнии предлоги никогда не пишутся, – объяснил Фредриксон. – Их некогда вставлять. Наоборот, это отличная телеграмма.

Он достал щетку для волос, лежавшую за нактоузом, и принялся драть свои уши с такой силой, что пучки волос разлетались по всей навигационной каюте.

– Можно я расставляю предлоги в твоей телеграмме? – спросил Шнырек.

Но Фредриксон не слушал его. Что-то бормоча, он стал чистить свои брюки.

– Послушай–ка, – осторожно начал я, – если ты будешь изобретать разные там штуки Самодержцу, мы не сможем плыть дальше, верно? Фредриксон издал неопределенный звук.

– Ведь на изобретения понадобится немало времени, не правда ли? – продолжал я. Фредриксон ничего не ответил, и я в полном отчаянии воскликнул: – Ты же хотел стать искателем приключений?!

Но Фредриксон ответил:

– Я хочу быть изобретателем. Хочу изобрести летающий речной корабль.

– А как же я?

– Ты можешь вместе с остальными основать колонию, – дружелюбно посоветовал он и исчез.

В тот же день Фредриксон, а вместе с ним и "Морской оркестр" поселились в парке Сюрпризов. На берегу одиноко осталась стоять одна лишь навигационная каюта. По приказу Самодержца речной пароход доставили на поляну Развлечений и сделали из всего этого большой секрет. Восторженные подданные короля с усердием нагородили вокруг парохода целых восемь стен из булыжника.

Повозка за повозкой доставили сюда необходимое – инструменты, тонны шарикоподшипников, пружину из стальной проволоки. Фредриксон пообещал Самодержцу, что по вторникам и четвергам станет изобретать всякие забавные штуки для пугания подданных, а в прочие дни будет заниматься своим собственным летающим речным пароходом.

Обо всем этом я узнал позднее, в ту же минуту чувствовал себя крайне одиноким и всеми покинутым. Я снова начал сомневаться в достоинствах Самодержца и не мог больше восхищаться королями. К тому же я понятия не имел, что означает странное слово "колония". Вконец расстроенный, я отправился к дому Мюмлы искать утешения.

Мюмла мыла братьев и сестер, поливая их водой из шланга.

– Привет! – крикнула она. – У тебя такой вид, словно ты ел клюкву без сахара!

– Я уже больше не искатель приключений, я собираюсь основать колонию, – мрачно сообщил я.

– Вот как! А что это такое? – спросила Мюмла.

– Сам не знаю, – пробормотал я. – Скорее всего что-то ужасно глупое. Думаю, что нужно уйти отсюда. Наверное, я уйду с хатифнаттами. Одинокий и вольный, как морской орел.

– Тогда и я пойду с тобой, – заявила Мюмла.

– Между тобой и Фредриксоном – большая разница, – сказал я тоном, который должен был скрыть мою истинную мысль.

– Да, конечно! – весело воскликнула Мюмла. – Мама! Где ты? Ну куда она опять подевалась?

– Привет! – Голова Мюмлы–мамы показалась над травинкой. – Ты всех вымыла?

– Нет, только половину, – отвечала дочка. – Остальные и так обойдутся. Вот этот тролль просит меня отправиться вместе с ним в кругосветное путешествие, мы улетим... одинокие, как синицы!

– Нет! Нет! – закричал я с вполне понятным беспокойством. – Я имел в виду совсем другое!

– Как орел, – поправила Мюмла.

Мюмла–мама очень удивилась:

– Что ты говоришь! Значит, ты не явишься к ужину?

– Ах, мама, – отвечала Мюмла. – Когда ты в следующий раз увидишь меня, я буду самая большая мюмла на свете! Так мы сейчас отправляемся?

– Пожалуй, уж лучше основать колонию, – ответил я слабым голосом.

– Прекрасно! – Мюмла согласилась и на колонию. – Теперь мы – колонисты! Посмотри–ка на меня, мама! Я ведь настоящая колонистка! Я переселяюсь из дома!

Дорогие читатели, в ваших собственных интересах я прошу вас, будьте осторожны с мюмлами. Они интересуются всем и никак не могут сообразить, что сами–то они вовсе не всем интересны.

Итак, волею судьбы я основал колонию. Мы – Мюмла, Шнырек, я и Юксаре – собрались в заброшенной навигационной каюте Фредриксона.

– Ну вот, – сразу же объявила Мюмла. – Я спросила маму, что такое колонисты, и она считает: это те, которые живут очень близко друг от друга, потому что одиночество никому не нравится. А потом все начинают ужасно ссориться, но все равно это гораздо веселее, чем не иметь никого, с кем можно поругаться. Мама предостерегала меня.

Ее сообщение было встречено неодобрительным молчанием.

– Так что же, нам нужно сразу начинать ссориться? – со страхом спросил Шнырек. – Я терпеть не могу ссориться. Извините, но ведь ссориться ужасно неприятно!

– Вовсе нет! – возразил, подумав, Юксаре. – Колония – это место, где живут в мире и спокойствии и как можно дальше друг от друга. Иногда случается что-нибудь непредвиденное, но потом снова наступают мир и спокойствие... Можно, например, жить на яблоне. Песни и солнечный свет... просыпаешься поздно по утрам, вы понимаете... Никто не спит возле тебя и не твердит тебе, что надо, не откладывая,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

делать и то, и это... В колонии все делается само по себе!

– Как это само по себе? – удивился Шнырек.

– Ясное дело, – мечтательно продолжал Юксаре. – Просто нужно оставить дела в покое. Апельсины растут, цветы распускаются, и время от времени рождаются на свет новые Юксаре, чтобы есть апельсины и нюхать цветы. И каждому светит солнце.

– Нет! Все это никакая не колония! – воскликнул я. – Колония – это свободное товарищество! Товарищество, которое занимается чем-то романтическим и немного страшноватым, ну таким, каким никто другой и заняться не посмеет.

– Чем же это? – ахнула Мюмла.

– Сами увидите, – загадочно отвечал я. – В следующую пятницу, в полночь! Вы сильно удивитесь! Шнырек закричал "ура!", а Мюмла захлопала.

Но страшная правда заключалась в том, что я не имел ни малейшего понятия, чем же мне удивить колонистов в полночь следующей пятницы.

Итак, началась наша новая самостоятельная жизнь. Юксаре поселился на яблоне неподалеку от дома Мюмлы-мамы. А сама Мюмла заявила, что будет спать каждую ночь на новом месте, чтобы чувствовать себя независимой, и только Шнырек продолжал жить в своей банке из-под кофе.

Я же остался в навигационной каюте. Она стояла на одиноком утесе и была похожа скорее всего на выброшенный штормом обломок корабля. Я отчетливо помню, как стоял и с грустью смотрел на старый ящик с инструментами, принадлежавший Фредриксону. Хемули из гвардии Самодержца его забраковали, решив, что он недостаточно хорош для придворного изобретателя.

И тут я решил: именно сейчас мне нужно придумать что-нибудь не менее замечательное, чем изобретения Фредриксона. Но как мне произвести впечатление на своих колонистов? Они ждут не дождутся, скоро пятница, а я к тому же тишком много болтал о том, какой я талантливый...

На мгновение мне стало совсем тошно. Я смотрел на волны, бегущие одна за другой, и мысленно представляют себе, как Фредриксон без передышки все строит и строит, изобретает и изобретает, а обо мне и думать забыл.

Мне было почти досадно, что я не родился, как хатифнатт, под неизвестными блуждающими звездами и не мог, как они, плыть и плыть к недостижимому горизонту, молчаливый и равнодушный ко всему, и чтобы никто не ждал от меня ничего другого.

В этом печальном настроении я пребывал до самого вечера. Наконец, устав от своего одиночества, я побрел по холмам туда, где подданные Самодержца продолжали строить свои дурацкие стены и устраивать пикники. Повсюду горели маленькие костры, взлетали самодельные фейерверки, и подданные кричали, как всегда, "ура!" своему королю. Проходя мимо банки Шнырька, я услышал, как он разговаривает сам с собой. Речь, как мне показалось, шла о форме какой-то пуговицы, круглой и в то же время продолговатой, если на нее посмотреть с определенной стороны. Юксаре спал у себя на дереве, а Мюмла бегала где-то, чтобы показать своей маме, какая она самостоятельная.

Глубоко ощущая собственную никчемность, я направился в парк Сюрпризов. Там царила полная тишина. Водопады не работали, лампочки не горели, карусель спала под большим коричневым чехлом. Трон Самодержца был тоже накрыт чем-то драгоценным, а под тронном стояла туманная сирена. На земле повсюду валялись фантики от конфет.

И тут я услышал стук молотка.

– Фредриксон! – завопил я.

Но он не ответил – продолжал стучать молотком. Тогда я завел туманную сирену. Минуту спустя в темноте зашевелились уши Фредриксона.

– Я не могу показать тебе это, пока оно не будет готово, – сказал Фредриксон. – Ты пришел слишком рано.

– Я и не думаю глядеть на твое изобретение, – немного обиделся я. – Мне просто хочется поговорить.

– О чем же? – удивился он.

Немного помолчав, я спросил:

– Милый Фредриксон, а что должен делать вольный искатель приключений?

– Что ему хочется, – отвечал Фредриксон. – Ты что-нибудь еще хотел сказать? Вообще-то мне немножко некогда.

Приветливо помахав ушами, он скрылся в темноте. Вскоре я снова услышал, как он заколачивает гвозди. Всю дорогу меня одолевали совершенно никчемные мысли – ни одна не могла стать Идеей, мне, пожалуй, впервые не доставляло никакого удовольствия думать о самом себе. Я погрузился в состояние глубокой меланхолии. Увы, подобное случалось, и не раз, со мной и в дальнейшем, когда я видел, что кто-нибудь делает что-нибудь лучше меня.

Подумав, я все-таки решил, что это, казалось бы, не очень-то приятное чувство, на самом деле косвенно свидетельствует о моем скрытом таланте. И еще я заметил: если я впадаю в меланхолию, если начинаю вздыхать, уставясь в морскую даль, это мне явно доставляет некоторое удовольствие. Мне становится жалко себя, а это так приятно.

Пребывая в столь нехорошем настроении, я с помощью инструментов Фредриксона рассеянно начал кое-что переделывать в навигационной каюте, используя выброшенные на берег обломки реек. Мне казалось, что для дома она слишком тесная.

Это была печальная, но важная для моего развития неделя. Я забивал гвозди и размышлял, пилил и размышлял, но ни одной гениальной идеи не родилось в моей голове.

Ночь со среды на четверг выдалась тихая и светлая. На небе сияла полная луна. Все замерло. Даже подданным Самодержца надоело кричать "ура!" и пускать фейерверки. Я достроил лестницу, ведущую на верхний этаж, и сидел у окна, положив мордочку на лапы. Стояла такая тишина, что было слышно, как мохнатые ночные бабочки чистят свои крылышки.

И тут я увидел на песчаном берегу маленькое белое существо. При первом взгляде я решил, что это хатифнатт. Но когда, скользя, оно приблизилось, шерсть у меня на затылке встала дыбом. Существо было прозрачное. Сквозь него я отчетливо различал камни, потому что оно просвечивало насквозь и не имело тени! Если добавить, что это нечто было закутано во что-то похожее на тончайшую белую занавеску, то каждому станет яснее ясного, что это было привидение.

Я взволнованно поднялся. Заперта ли входная дверь? Может быть, привидение захочет пройти сквозь нее... Куда же мне спрятаться?

Заскрипела наружная дверь. Холодный ветерок взметнулся и подул мне в затылок.

Теперь, вспоминая об этом, я не уверен, что так уж испугался, наверное, просто решил быть как можно осторожнее. Поэтому я заполз под кровать и стал ждать. Чуть погода заскрипела лестница. Один раз скрипнула, второй... Я знал, что у лестницы девять ступенек (эту лестницу было ужасно тяжело делать, она была винтовая). Я сосчитал до девяти. Потом стало совсем тихо, и я подумал: "Теперь Оно стоит за дверью..."

На этом Муми-папа сделал эффектную паузу.

– Снифф, – сказал он, – подкрути-ка фитиль керосиновой лампы. Подумать только, когда я читаю про ночь с привидениями, лапы у меня становятся совершенно мокрыми!

– Кто-то что-то сказал? – пробормотал Снифф, проснувшись.

Папа Муми-тролля осуждающе взглянул на Сниффа:

– Да нет, ничего. Просто я читал свои мемуары.

– Про привидение – это хорошо, – одобрил Муми-тролль. Он лежал, натянув одеяло до ушей. – А про печальное настроение, по-моему, лишнее. Получается слишком длинно.

– Длинно? – обиделся папа. – Что ты называешь длинным? В мемуарах должно быть описание печальных чувств. Во всех мемуарах это есть. Я пережил кризис.

– Что пережил? – не понял Снифф.

– Мне было ужасно плохо, – немного сердясь, объяснял папа. – Я был так несчастлив, что даже не заметил, как построил двухэтажный дом!

– А были яблоки на яблоне Юксаре? – спросил Снусмумрик.

– Нет, – отрезал папа и, поднявшись, захлопнул тетрадь в клеенчатой обложке.

– Послушай, папа, – сказал Муми-тролль, – про привидение действительно ужасно интересно.

Но папа уже спустился в гостиную – бывшую навигационную каюту – и устался на барометр-анероид, который по-прежнему висел над комодом.

"Что же тогда сказал Фредриксон, увидев мой дом? "Надо же, что ты смастерил! Надежная защита". Но другие-то и не заметили, что дом стал выше! Может, и вправду надо сократить главу о чувствах? Может, она и впрямь глупая и вовсе не занимательная? Может, и вся книга глупая?"

– Никак ты сидишь в темноте? – удивилась Муми-мама, открывая кухонную дверь.

– Мне кажется, глава о переживаниях моей юности нелепая, – сказал папа.

– Ты говоришь про начало шестой главы? – уточнила мама.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Папа что-то пробормотал.

– Это одно из лучших мест во всей книге, – твердо сказала Муми-мама. – У тебя получается гораздо правдивее, когда ты перестаешь хвастаться. Детишки слишком малы, чтобы понять это. Я принесла тебе бутерброды на ночь. Ну, пока.

Она пошла вверх. Лестница проскрипела точно, как тогда, – девять раз. Но эта лестница была сделана гораздо прочнее, чем старая...

Папа съел один бутерброд. Потом еще один. Потом тоже поднялся вверх, чтобы читать продолжение Муми-троллю, Снусмумрику и Сниффу.

Щель в дверях чуть расширилась, и маленький белый дымок влетел в комнату. Свернувшись в кольцо, он тарачил два белых мигающих глаза – из своего укрытия под кроватью я это видел совершенно отчетливо.

"Это и в самом деле привидение", – сказал я себе. (Во всяком случае, смотреть на него было не так страшно, как слушать скрип на лестнице.) В комнате стало холодно, как во всех рассказах о привидениях, из всех углов дуло, и привидение вдруг чихнуло.

Дорогие читатели, не знаю, как бы вы к этому чиху отнеслись, но я из-за чихания начал относиться к привидению с меньшим уважением; я выполз из-под кровати (между прочим, привидение уже и так заметило меня) и сказал, впрочем, очень вежливо:

– Будьте здоровы!

– Сам будь здоров, – сердито буркнуло привидение. – Призраки ущелий скулят, как бродячие псы, в такую мрачную злосчастную ночь!

– Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? – спросил я.

– В такую злосчастную ночь, – угрюмо продолжало привидение, – скрипят забытые кости на морском берегу.

– Чьи кости?

– Забытые кости, – отвечало привидение. – Бледно-желтый ужас скалит зубы над заклятым островом. Берегитесь, смертные, я вернусь в пятницу, тринадцатого, сего месяца.

Тут привидение распрямилось и, бросив на меня устрашающий взгляд, улетело через полураскрытую дверь, но прежде ударилось макушкой о притолоку и крикнуло: "Ой! Гоп-ля-ля!" Потом скользнуло вниз по лестнице, вылетело на лунный свет и трижды издало вой, будто гиена. Но все это уже не произвело на меня сильного впечатления.

Увидев, как привидение растворилось в вечерней мгле, я расхохотался. Теперь-то у меня есть сюрприз для колонистов! Теперь я могу совершить такое, на что никто не осмелится!

В пятницу, тринадцатого, незадолго до полуночи я повел колонистов на берег моря. Их ждал там приготовленный мной скромный ужин: суп, хрустящие хлебцы и апельсиновый сок (на всех перекрестках стояли бочки с соком, и каждый мог наливать себе сколько хочет). На фарфоровой посуде я нарисовал черным велосипедным лаком скрещенные кости.

– Ты мог бы взять у меня немножко красной краски, – сказал Шнырек, – или желтой и голубой. Извини, конечно, но так было бы веселее.

– Но я не собирался делать веселее, – сдержанно отвечал я. – Сегодня ночью вы увидите здесь такие страшные вещи, что и представить себе нельзя. Будьте готовы ко всему.

Юксаре сказал, глядя в тарелку:

– По вкусу напоминает уху. Какая это рыба? Плотва?

– Морковь, – отрезал я. – Ешь! Ты считаешь, что привидения – это что-то совсем обыкновенное?

– А... Так вот оно что. Ты будешь рассказывать истории про привидения?

– Я обожаю про привидения, – заахала Мюмла. – Мама по вечерам всегда рассказывает нам страшные истории и под конец сама так пугается, что мы полночи ее успокаиваем. А с моим дядей по материнской линии бывает еще хуже. Один раз...

– Я говорю совершенно серьезно, – перебил я ее сердито. – Рассказывать про привидения?.. Клянусь своим хвостом! Я покажу вам привидение! Настоящее! Интересно, что вы тогда скажете? – И я победоносно посмотрел на них.

Мюмла захлопала, а Шнырек со слезами на глазах прошептал:

– Миленький тролль, не надо!

– Ну ради тебя вызову очень маленькое привидение, – успокоил я его.

Юксаре перестал есть и уставился на меня с удивлением, я бы даже сказал, с восхищением! Я достиг цели: спас свою репутацию и свой авторитет! Но, дорогие читатели, вы можете представить себе волнение, охватившее меня перед тем, как часы пробили двенадцать? Вернется ли привидение? Будет ли оно достаточно устрашающим? А вдруг начнет чихать, болтать всякую чепуху и испортит всю затею?

Типичная черта моего характера – любой ценой произвести впечатление на окружающих: вызвать восторг, сострадание, страх или любые другие сильные чувства. Возможно, что это происходит оттого, что в детстве меня никто не понимал.

Когда полночь приблизилась, я вскарабкался на утес, поднял мордочку к луне и принялся делать магические жесты лапами и издавать такой вой, который должен был пронять всех до мозга костей. Иными словами – я вызывал привидение.

Колонисты сидели как зачарованные, лишь в ясных глазах Юксаре я увидел иронию и искорку недоверия. Я и сегодня чувствую глубокое удовлетворение от того, что произвел-таки впечатление на Юксаре. Привидение явилось! Оно и в самом деле было прозрачное, без тени, и тут же начало завывать о забытых костях и ужасах из ущелья.

Шнырек закричал от страха и спрятал голову в песок. Зато Мюмла сразу же подошла к привидению и протянула ему лапку:

– Привет! Как приятно увидеть настоящее привидение. Не хочешь ли отведать нашего супчика?

Никогда не знаешь, какой номер выкинут мюмлы!

Конечно, привидение оскорбилось. Оно растерялось, съежилось, сморщилось и исчезло, превратившись в печальное колечко дыма. Юксаре начал смеяться, и я почти уверен, что привидение слышало этот смех. В общем, ночь была испорчена.

Но колонистам пришлось дорого заплатить за свою непростительную бестактность. Последующую неделю просто трудно описать. Никто из нас не мог спать по ночам. Привидение нашло железную цепь и звякало ею до четырех утра. Кроме того, нас будил крик совы, вой гиены, шаркающие шаги и стук в двери, наша мебель начала прыгать по комнате и ломаться.

Колонисты были недовольны.

– Убери свое привидение, – потребовал Юксаре. – По ночам я хочу спать!

– Не могу, – серьезно пояснял я. – Если хоть раз вызовешь привидение, приходится его терпеть.

– Шнырек плачет, – упрекал меня Юксаре. – Привидение нарисовало череп на его банке из-под кофе и написало внизу: "ЯД".

– Какое ребячество, – ответил я.

– И Фредриксон рассердился. Твое привидение накалякало всякие угрозы на "Морском оркестре" и ворует у него стальные пружинки!

– В таком случае, – согласился я, – нужно и в самом деле принимать какие-то меры! И немедленно!

Я быстренько сочинил обращение и повесил его на двери навигационной каюты. Оно гласило:

"Уважаемое привидение!

По ряду причин в следующую пятницу перед заходом солнца состоится собрание привидений. Все жалобы принимаются во внимание.

Королевская Вольная колония

Примечание. Просим никаких цепей с собой не брать".

Я долго колебался, как подписать: "Королевская колония" или "Вольная колония". В конце концов решил написать и то и другое. Это придавало обращению определенную солидность.

Ответное письмо, написанное красной краской на пергаменте (пергамент был сделан из старого дождевика Фредриксона), оказалось прибитым к двери хлебным ножом Мюмлы-мамы.

"Роковой час настал, – писало мое милое привидение. – В пятницу, ровно в полночь, в этом пустынном краю раздастся одинокий вой собаки Смерти! Вы, тщеславные слизняки, заройтесь носами в землю, которая загудит от тяжелых шагов Невидимки, ибо ваша Судьба начертана кровью на стене Гробницы! Если захочу, все равно прихвачу с собой железную цепь.

Привидение по прозвищу Страшило".

– Ясно, – сказал Юксаре, – похоже, ему очень нравится слово "судьба".

– Ты вот что – не смейся на этот раз, – сказал я строго. – Так-то оно и бывает, когда ни к чему на свете не испытываешь истинного уважения!

Посоветовавшись, мы послали Шнырьку пригласить Фредриксона на свидание с привидением. Конечно, я и сам мог бы пойти, но я помнил слова Фредриксона: "Я не могу показать тебе это, пока оно не будет готово. Ты пришел слишком рано. Мне немножко некогда". Он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

- сказал это, как всегда, вежливо, но каким-то ужасно чужим голосом.
- Привидение явилось только в двенадцать и известило о своем приходе, издав трижды протяжный вой.
- Я здесь! – заявило оно. – Трепещите, смертные, час отмщения забытых костей настал!
- Привет! Привет! – сказал Юксаре. – Что ты все воешь о каких-то старых костях? Чьи это кости? Почему ты само с ними не разберешься?
- Я пнул Юксаре по лодыжке и вежливо сказал:
- Приветствую тебя, призрак ущелий! Как поживаешь? Бледно-желтый ужас, оскалив зубы, глядит на заклятый берег.
- Перестань меня передразнивать! – разозлилось привидение. – Эти слова позволено говорить одному мне!
- Послушай-ка, – сказал Фредриксон, – не мешайка спать по ночам. Пугай кого-нибудь другого, ладно?
- Да все другие уже привыкли ко мне, – угрюмо ответило привидение. – Даже дронт Эдвард больше не боится.
- А я боюсь! – крикнул Шнырек. – Я все еще боюсь!
- Очень любезно с твоей стороны! – сказала привидение и поспешно добавило: – Зброшенный караван скелетов воеет под ледяным желто-зеленым светом луны!
- Дорогое привидение, – ласково сказал Фредриксон, – по-моему, у тебя нервы немного того – не в порядке. Давай договоримся: ты обещаешь пугать кого-нибудь в другом месте, а я научу тебя, как можно пугать по-другому. Идет?
- Фредриксон здорово придумывает всякие штуки! – воскликнула Мюмла. – Ты даже не представляешь себе, что можно сделать из фосфора и тонкой жести! Можно до смерти напугать дронта Эдварда!
- И Самодержца, – добавил я.
- Привидение заколебалось.
- Можешь, например, занять свою собственную (туманную) сирену, – намекнул Фредриксон. – А ты, случайно, не знаешь, как делают фокус с просмоленными нитками?
- Нет. А как это? – заинтересовалось привидение.
- Берешь обыкновенные нитки, – пояснил Фредриксон. – Привязываешь их к чьим-нибудь ногам, потом прячешься и натираешь нитки смолой... Дьявольски страшно...
- На мой дьявольский глаз, ты ужасно симпатичный! – воскликнуло привидение и, свернувшись клубочком, улеглось у ног Фредриксона. – Может, ты и скелет раздобудешь? Говоришь – из тонкой жести? У меня тонкая есть...
- До рассвета Фредриксон объяснял про пугание и чертил разные пугательные конструкции на песке. Ему явно нравилось это детское занятие.
- Утром Фредриксон отправился на работу в парк Сюрпризов, а привидение мы избрали в члены Королевской Вольной колонии с присвоением почетного титула "Страх на острове Ужасов".
- Послушай-ка, привидение, – сказал я. – Хочешь жить у меня в доме? Мне что-то скучно одному. Ясное дело, я вовсе не трус, но иногда по ночам бывает страшновато...
- Клянусь адскими собаками, – начало привидение и стало едва видимым от злости. Но сразу же успокоилось и сказала: – Да, пожалуй, это очень любезно с твоей стороны.
- Я устроил привидению постель в ящичке из-под сахара, а чтобы ему было уютнее, выкрасил ящик в черный цвет и украсил бордюриком из скрещенных костей. На обеденной миске я (к большому удовольствию Шнырька) написал: "ЯД".
- Ужасно уютно, – зауhalо привидение. – Ничего, если я погремлю немножко ровно в полночь? У меня это уже как бы вошло в привычку.
- Пожалуйста, греми, – ответил я, – только не дольше пяти минут, и не сломай трамвайчик. Он очень ценный.
- Ну ладно, пять минут, – согласилось привидение. – Но за ночь летнего солнцестояния я не отвечаю.